

Культура шнуровой керамики, распространяясь с юго-запада, нашла здесь редко заселенную область, однако со своеобразной культурой, хорошо приспособленной к окружающей среде. Пришельцы — это кочевые скотоводы, от которых остались лишь скудные следы поселений и отдельные погребения. Это они, наверное, дошли до Эстонии и Финляндии. А большинство представителей культуры шнуровой керамики (возможно, вторая волна?) влилось в местное население, приобретая все то, что было приспособлено к местным условиям: весь кремневый и костяной инвентарь, предметы охоты и рыбной ловли, ибо в наших условиях присваивающее хозяйство еще было более рентабельным, чем производящее. Это как раз и показывает, что новая культура не уничтожала местную, а сливалась с ней. И, распространяясь к северу, она несла с собой весь приобретенный инвентарь.

Поэтому вместе с приморской культурой в Северной Литве распространились типы кремневых изделий мезолитического облика, которых там не было ни в мезолите, ни в раннем неолите.

А в то время в более отдаленной (и, может быть, более консервативной) юго-восточной части распространения неманской культуры новые формы керамики и орнамента вкраивались очень медленно, и до конца своего существования не заглушили древних.

Таким образом, следовало бы предполагать, что место образования приморской культуры — это область распространения западной части неманской культуры при появлении определенного количества пришельцев — носителей культуры шнуровой керамики, принявших местный образ жизни. Европеоидный тип населения и, вероятно, близкая праиндоевропейская речь, по-видимому, помогли этому процессу слияния.

Тем самым следует отвергнуть старые мнения, которые до сих пор повторяются в польской археологической литературе, будто приморская (жуцевская) культура приобрела многие черты из культуры гребенчатой керамики, даже что она сама является вершиной культуры гребенчатой керамики. Следует подчеркнуть, что между приморской (жуцевской) культурой и культурой бронзового и ранне-железного веков на этой же территории нет никакого разрыва.

В.В.Седов (Москва)

ДНЕПРОВСКИЕ БАЛТЫ

Балты как самостоятельная этноязыковая группировка индоевропейцев сложились по всей вероятности во II тысячелетии до н.э. Расселившись на обширных пространствах Восточной Европы, они в силу ряда исторических обстоятельств оказались к середине I тысячел. до н.э. расчлененными на три крупные диалектно-племенные группы. Междуречье нижней Вислы и Немана принадлежало западно-балтской группе, из которой вышли средневековые пруссы, ятвяги и др. Земли к востоку от них занимали предки летто-литовских племен.

Еще восточнее, в Верхнем Поднепровье и в смежных с ним областях обосновалась особая группировка балтов — днепровская. Археологически это — весьма близкие между собой культуры раннего железного века — днепро-двинская, занимающая Смоленское Поднепровье и Полоцко-Витебскую часть Западнодвинского бассейна, верхнеокская, распространенная в бассейне верхнего течения Оки, и ихновская в Подесенье. Для них характерны однотипные городища

с единым домостроительством — наземными жилищами столбовой конструкции, отапливаемые очагами. Основными типами керамики были слабопрофилированные горшки и баночные сосуды. Хозяйственная деятельность внутри этих культур была одинаковой, эволюция культуры и экономики протекала спокойно и равномерно.

Единство культуры днепровских балтов предполагает формирование среди этих племен диалектной общности. Эти диалекты не дожили до исторического времени, а выделение их по данным гидронимии затруднено, поскольку в I тысячел. н.э. в Верхнем Поднепровье имели место значительные миграционные процессы.

Западными соседями днепровских балтов были племена культуры штрихованной керамики, относящиеся к лётто-литовской группировке балтов. На севере и северо-востоке днепровские балты соприкасались с финно-угорскими племенами. Юго-восточными соседями их было скифское население. В бассейне Сейма отчетливо выявляются следы балто-иранского контакта. На юго-западе днепровские балты соседствовали с племенами милоградской культуры, а позднее с зарубинецкими племенами.

Начиная с I в. до н.э. в бассейне Десны расселяются носители зарубинецкой культуры. В результате взаимодействия зарубинецкой и йхновской культур в первых веках н.э. здесь складывается почепская культура, отличная от синхронных древностей днепровских балтов. Дальнейшее продвижение потомков зарубинецкого населения на верхнюю Оку привело к формированию в этом регионе мощинской культуры, которую также нужно исключить из культур днепровских балтов. Носителями мощинской культуры были предки голяди русских летописей. Миграция в Подесенье и на верхнюю Оку оставила заметный след в гидронимии этих регионов — здесь име-

ется пласт водных названий западнобалтских типов. Днепровские балты — носители верхнеокской культуры, по-видимому, были ассимилированы пришлыми, также балтоязычными племенами, принадлежавшими западной ветви.

В областях расселения днепровских балтов, не затронутых миграцией зарубинецких племен, культура развивалась спокойно, без каких-либо скачков. Постепенно на основе днепро-двинской культуры в Смоленском Поднепровье и Полоцко-Витебском Подвинье в середине I тысячел. н.э. формируется тушемлинско-банцеровская культура. Последняя пслучает распространение также в восточной части ареала культуры штрихованной керамики. Непосредственной эволюции последней в тушемлинско-банцеровскую не наблюдается. Напротив, в середине I тысячел. н.э. в этом регионе обнаруживаются коренные изменения в керамике, некоторые сдвиги в характере поселений и в домостроительстве. В конечном итоге в восточном регионе культуры штрихованной керамики складывается культура, идентичная древностям днепровских балтов. В связи с этим нужно допустить, что в среду племен культуры штрихованной керамики имела место инфильтрация днепровских балтов из более северных и северо-восточных областей. Не исключено, что стимулом ее было движение зарубинецкого населения в Верхнеднепровском бассейне.

Таким образом, в третьей четверти I тысячел. н.э. днепровские балты заселяли Смоленскую и правобережную части Верхнего Поднепровья вплоть до верховьев Немана, а также Полоцко-Витебскую часть Западнодвинского бассейна. Их культура характеризуется открытыми поселениями с наземными жилищами столбовой конструкции. Около поселений возникают городища-убежища. Погребаль-

ными памятниками их являются грунтовые могильники с трупосожжениями и бедным инвентарем.

В VI—VII вв. в область расселения днепровских балтов начинается инфильтрация славян. Первыми следами последней являются полуземляночные жилища с печами-каменками, исследованные на ряде поселений тушемлинско-банцеровской культуры. К VIII—IX вв. относятся длинные курганы, заключающие захоронения как местных балтов, так и славян и свидетельствующие о постепенном смещении населения, о славяно-балтском культурно-языковом симбиозе. Процесс смешения днепровских балтов с расселившимися в их регионе славянами продолжался в основном до X в. Славянизированные потомки днепровских балтов целиком вошли в состав древнерусской народности.

З.М.Сергеева (Москва)

БАЛТСКИЕ НАХОДКИ В КУРГАНАХ ЗАПАДНОЙ РУСИ

В древнерусских погребальных памятниках X—XIII вв. неоднократно встречены вещевые находки, которые по внешнему облику и назначению обнаруживают наибольшее сходство с предметами балтской материальной культуры.

Заметнее всего оно прослеживается на украшениях — шейных гривнах, фибулах, браслетах, перстнях, подвесках, изделиях из янтаря, ткани, головных уборах.

Самое значительное число аналогий им имеется в памятниках литовских и латышских племен рассматриваемого периода. Кроме того, в прибалтийских памятниках находятся ранние их прототипы, а

ряд изделий продолжает бытовать и в более позднее время (до XIV—XV вв.).

Балтские находки из древнерусских курганов при сопоставлении с однотипными украшениями из памятников прибалтийских племен оказываются одинаковыми не только по форме изделий, но часть из них и по конструкции, размеру, орнаментации и другим признакам.

Происхождение этих находок различное: одни попали путем торговли и обмена (янтарные изделия, фибулы с маковидными концами и т.д.); другие сделаны на месте древнерусскими мастерами по образцу прибалтийских изделий (например, некоторые из звериноголовых браслетов); часть находок имеет аналогии в материалах длинных курганов, женский инвентарь которых бесспорно признается исследователями балтским (Седов В.В., Шмидт Е.А.).

Рассматриваемые находки хронологически делятся на 3 периода. К X—XI вв. относятся гривны с седловидными и костьювидными концами, гривны с пластинчатыми концами, пластинчатые выпукловогнутые браслеты, некоторые подковообразные фибулы, спиральные браслеты, часть спиральных перстней, головные уборы, украшенные спиральками. Находки этого времени обнаружены преимущественно в районах, ближайших к прибалтийским племенам и на территории распространения длинных курганов.

Основное количество балтских находок приходится на XI—XII вв. Ареал их захватывает почти всю западнорусскую территорию, но наибольшая концентрация отмечается, как и в предыдущий период, в западных районах.

В конце XII — начале XIII вв. количество балтских находок в курганах заметно сокращается. Они сосредоточены в основном в Пономанье.